

МИР, ОТКРЫТЫЙ В ТАНЦЕ

КАК МНЕ писать о Майе Плисецкой? О ней уже столько написано, сказано, снято, рассказано — она будто так и появилась на свет: пуанты, туника, прославленная сцена Большого. Будто не было школьных бантиков, ученичества, робости первых па.

Было, конечно, начало, но я сейчас понял, почему мне трудно соотнести само понятие — начало — с Майей Плисецкой: я всегда воспринимал ее в расцвете, в разгаре, в полноте проявления, как явление природы, грозу или, наоборот, как тихий летний рассвет. Сущность явления, которое мы зовем Майя Плисецкая, воплощается в танце — в классическом балетном танце, условнейшем жанре искусства.

Если вдуматься, то все бесконечное разнообразие искусства всех времен сводится в итоге к двум, казалось бы, совсем простым вещам: почувствовать мир по-своему, увидеть его под собственным углом зрения, уловить в нем то, что не улавливал никто другой, и суметь показать этот мир другим. Чтобы он мог стать и их миром тоже.

Можно видеть, но не уметь сказать. Можно притвориться, будто сам увидел, — и это бывает. Но подлинное искусство рождается только из сочетания: сумеи сотворить свой мир и сумеи распахнуть его двери перед другими.

Каким же видит мир Майя Плисецкая? Я могу судить об этом мире по тому, каким она раскрывает его для меня в танце. Он непередаваемо грациозен и гармоничен, этот мир. Его гармония вмещает в себя все, он предстает то грозным, то лиричным, то смятенным, то спокойным, то ироничным, то трагичным, но он всегда очень индивидуален, и поэтому у этого мира есть имя — Майя Плисецкая.

Первые я увидел Майю Плисецкую в «Кармен-сюите»...

Да нет, конечно же, я много раз видел ее и раньше. Я вместе со всеми восторгался ее изысканной скорбностью в «Жизели», аплодировал огненной Эгине в «Спартаке», блистательной Одетте-Одиллии в «Лебедином озере», пленительной Зареме в «Бахчисарайском фонтане».

И все-таки впервые я увидел ее в «Кармен».

Прозвучали будоражащие звуки увертюры, раздвинулся величественный занавес Большого — и на сцене забурила уличная жизнь никогда мной не виденной Испании. Своевольная гитана, вопреки всем балетным приличиям, поставившая ногу на всю стопу. Ну уж это движение Пушкин не описал. Помните: «и быстрой ножкой ножку бьет»? У Плисецкой не истоминская воздушность, здесь и не ножка — она ступает по земле твердо. Безудержная страсть, мгновенная смена настроений, верность себе — и смерть, плата за такую жизнь, и все это уложено тем не менее в строгие рамки классического балета. Забыть не могу, как это меня тогда поразило!

Я всегда был влюблен в строгость классического балета, в изящество классики на балетной сцене — я никак не мог представить себе, что эта самая балетная сцена способна вместить в себя такую несдержанную страсть жизни. Более того: что таким образом четкость и ясность балетной классичности

окажется не зачеркнутой, а напротив, подчеркнутой.

Подлинным трагизмом жизни повеяло со сцены, высокой страстью пылал танец Кармен-Плисецкой.

Я не мог тогда знать, что вижу нечто более значительное, чем великолепный спектакль «Кармен-сюита», — это было рождение из увенчанной лаврами традиции Большого театра нового балетного театра Плисецкой.

А потом за «Кармен-сюитой» последовали «Анна Каренина» и «Чайка», и «Дама с собачкой», и теперь уже можно судить о том, что собой представляет театр Плисецкой. От вольнолюбия Кармен — к Анне Карениной, преступившей черту и заплатившей за это жизнью, к подстреленной птице Нине Заречной и, наконец, — к тонкой психологической нюансировке «Дамы с собачкой». От новеллы Проспера Мериме — к воплощению в балете галереи женских образов, созданных титанами классической русской литературы.

Мир Майи Плисецкой обогатился новыми гранями за счет

этой галереи прекрасных трагических образов, а они, эти образы, послужили ей средством выражения того, что вобрал в себя к этому времени ее собственный мир. И в полную силу раскрылся в этих ролях талант Майи Плисецкой — неповторимой драматической актрисы и неповторимой балерины.

Условия жанра не дают ей права на Слово. «Движением можно выразить все!» — утверждает Плисецкая и убеждает нас в своей правоте, а иначе как получается, что, видя Плисецкую в чеховских ролях, мы слышим чеховскую речь?

Как благородна в творчестве неудовлетворенность Майи Плисецкой!

Как неутомим ее поиск — он идет во всех направлениях: рядом с большими классическими балетами телевизионная «Фантазия», сделанная в жанре, которому еще и названия не успели придумать — фантазия! А рядом — одноактные балеты «Айседора», «Болеро», «Гибель розы». Все ее героини убедительны, трагичны и прекрасны, они

мне нравятся, все до одной, мне нравится Майя Плисецкая и в «Айседоре», и в «Болеро»... Но я пристрастен — мне особенно дороги Анна и Чайка, я люблю их больше, чем другие. Что делать, я пристрастен. Ну и пусть!

Я люблю Большой с его возвышенной традицией. И традицию Большого в новом балетном театре Плисецкой я тоже люблю. Сквозь теперешние роли Майи Плисецкой для меня все время просвечивают те, из балетов знакомых и любимых с юных лет, сегодняшняя хореография будит эхо той.

Я с детства был заморожен балетом.

Он представлялся мне тогда — как часто и сейчас, не скрою — чем-то вроде сказочного королевства, где правят Гармония, Грация и Красота.

И как скромный подданный этого чудесного королевства я приношу Майе Плисецкой дань своего изумленного восхищения.

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ.

Фото А. СТЕШАНОВА.